

Так и повелось: Гоудань нехотя учился у Ван Сюаня основам траволечения, а тот взамен перенимал у него приемы рукопашного боя.

— Пошли, сначала домой вернемся.

— А портфели? И дежурство — класс подметать разве не надо?

— Обойдутся, — отмахнулся Гоудань. — У нас ведь теперь деньги есть? Пошли лучше мяса купим.

Ван Сюань сглотнул. Мяса он не видел уже целую вечность. Дома сейчас и капли масла не сыскать, а вкус новогодних шкварок давно стерся из памяти. В один миг все эти зубрежки, портфели и учителя отлетели на задний план.

— Да-да, идем скорей! — закивал А-Сюань, у которого при одной мысли о еде рот наполнился слюной. — Купим пожирнее, дома сало перетопим, а на вытопках шкварки пожарим!

Выбравшись из зарослей, мальчишки бросили короткий взгляд в сторону учебного корпуса и припустили в противоположном направлении.

Центральная начальная школа стояла на самом отшибе. Вокруг густо разросся кустарник, среди которого сиротливо высились чахлые кривые деревца и сорняки. Поблизости располагался открытый школьный туалет, а чуть дальше начинался дикий малинник, куда ребятня бегала за ягодами. Метрах в двухстах от школы силами местных умельцев был сооружен неказистый нужник: две выгребные ямы за покосившейся соломенной ширмой, от которых несло так, что глаза слезились. Гоудань подобные места терпеть не мог и предпочитал справлять нужду в кустах, повернувшись к школе спиной.

Так что их побега никто не заметил. Мальчишки во весь опор помчались к магазину несладких продуктов, о котором столько слышали — он находился неподалеку от снабженческо-сбытового кооператива. Возле него всегда отирались деревенские: поглазеют на витрины и расходятся по домам. Без талонов здесь все равно ничего не купить.

На всю коммуну приходился один снабженческо-сбытовой кооператив, один магазин несладких продуктов да крошечное почтовое отделение с парой других мелких контор. Местное население состояло в основном из служащих этих ведомств и их семей. Селились они в неказистых, разбросанных кое-где домиках — тесных, глинобитных, совсем не похожих на добротные кирпичные здания. Гоудань мысленно рассудил, что с уездным городом это захолустье и рядом не стояло.

Пробравшись к магазину, ребята увидели длинную очередь. В узком дверном проеме колыхалась занавеска, рядом были распахнуты два окна. Мясо и овощи считались товаром дефицитным: не успевали их разложить по прилавкам, как вокруг уже собиралась толпа. Стоило подъехать телеге с бойни, как туши принимались разделять прямо у входа, под

нетерпеливыми взглядами выстроившихся людей.

Откуда Гоуданю было знать о таких порядках? В их семье, да и во всей деревне, испокон веков жили натуральным хозяйством: одежду шили сами, овощи выращивали на приусадебных участках, а мясо видели разве что перед Новым годом, когда в бригаде забивали свиней и делили туши. В деревнях отродясь не водилось ни мясных, ни продовольственных талонов, так что с подобной суматохой мальчишки столкнулись впервые.

Они с Ван Сюанем растерянно топтались поодаль, не понимая, как подступиться к очереди и куда пристроиться. Время шло, они крутились у хвоста толпы, прислушиваясь к разговорам взрослых. Те сетовали: мол, пришел ни свет ни заря, а народу уже тьма-тьмущая, хоть бы пара костей досталась.

— Да это еще что, — отозвался другой голос. — В коммуне-то тех, кто на жалованье сидит да мясо купить может, раз-два и обчелся. Вот в уезде — там беда. Говорят, ежели прослышат, что завтра завоз, так с полуночи очередь занимают. А за зеленью как гоняются! Нам-то хорошо, мы подле деревни живем, родичи всегда пучок-другой подкинут. А у меня двоюродная сестра в уездном городе мается, за каждой кочерыжкой в давке стоит. В больших-то городах народу прорва. Летом еще куда ни шло, а зимой околеть можно, пока достоишься.

— Оно-то так, — вставил третий, — да только в города и привоза больше. А у нас хорошо если раз в две недели полтуши свиной выкинут, на всех и понюхать не хватает.

С ним согласно закивали. Разговор перетек на привычное обсуждение городской жизни: дескать, рабочим все блага текут, и снабжение по первому разряду, и пайки хлебные выдают — как ни крути, а городским полегче нашего брата живется.

Гоудань слушал в пол-уха и все больше недоумевал. Выходит, мало иметь деньги, чтобы купить кусок свинины? Нужно выстоять длиннющую очередь, предъявить какие-то талоны, да еще и молиться, чтобы перед самым твоим носом прилавков не опустел!

Он дернул за рукав какого-то мужика, но тот лишь отмахнулся, велел топать в конец очереди. Решив, что пацана послали взрослые, люди в толпе начали ворчать на непутевых родителей:

— Нашли кого отправить! Время-то сколько, сейчас все разметут. Такое дело ответственное ребенку доверили... Тут и взрослому-то не всегда везет, послали бы хоть стариков каких.

Делать нечего. Понутив головы, босоногие Гоудань и Ван Сюань поплелись в самый хвост. Но очередь росла стремительно, и вскоре набежавшие сзади покупатели напрочь зажали мальчишек посреди бурлящей толпы так, что их макушек стало не разглядеть.

К счастью, отсюда им было видно, как стоящие впереди протягивают продавцу деньги и бумажки. Вспомнив чужие разговоры, ребята заговорщически склонили головы друг к другу. Гоудань пошарил по карманам и выудил две мятые купюры по юаню, а Ван Сюань тем

временем незаметно извлек из пространственного кармана мясные талоны.

Время тянулось невыносимо медленно. Когда очередь наконец дошла до них, мясник за прилавком нахмурился, решив, что пацаны просто балуются. Гоудань спешно протянул ему зажатые в кулаке деньги и талоны:

— Мне... мне жирного мяса! На всё!

Мясник даже бровью не повел, зато стоящие позади люди дружно расхохотались.

— Ишь, шкет, откуда такой прыткий взялся? «На всё» ему подавай, лопнешь ведь!

— Малец, на твои два юаня всю тушу не выкупишь, оставь и нам долю! Ха-ха-ха!

Но Гоуданя чужой смех не смутил — шкура у него была толстая.

— Да я имел в виду, что мне на два юаня жирного надо! — огрызнулся он и, обернувшись к зубоскалам, выпалил: — А вы только притащились, вот и стойте теперь! Хрен вам, а не мясо!

Продавец ухмыльнулся, подцепил с прилавка шматок жирной свинины весом около трех лянов, взвесил и проткнул его бамбуковой щепкой.

— На два юаня тут не наберется, — буркнул он. — Держи вот этот кусок да в придачу свиную печень. Всего с тебя сорок шесть фэней.

Талон на пол-цзиня мяса переключал к торговцу. Тот ловко щелкнул костяшками счёта и отсчитал мальчишкам сдачу.

— Чьи это сорванцы? Из какого ведомства? Что-то я их раньше не видел, — раздался в очереди подозрительный шепот.

Коммуна была небольшая, все друг друга знали в лицо, а уж если появлялся кто незнакомый, разузнать подноготную не составляло труда.

У Гоуданя от этих слов аж затылок зачесался от страха. Схватив добычу, они с Ван Сюанем припустили прочь со всех ног.

Сердце Ван Сюаня бешено колотилось в груди. Забившись в глухой переулок за углом, мальчишки испуганно озирались по сторонам. Оказывается, даже с кучей денег лакомиться мясом каждый день не получится — дело это хлопотное и опасное. Гоудань шепотом принялся наставлять друга: нельзя, чтобы кто-то из деревенских прознал об их покупках. У его отца, Ли

Сы, отродясь не было постоянной работы в коммуне, откуда тогда у пацанов талоны? Пойдут слухи — беды не оберешься.

— Братец Гоудань, страшно-то как... Что же нам теперь делать? — прошептал А-Сюань.

— Не дрейфь. Если кто спросит, скажем, что чужое поручение выполняем. А если запахнет жареным — просто сделаем ноги.

Впрочем, детей в спекуляции вряд ли заподозрят, все шишки обычно летят на родителей. К тому же Гоуданя в лицо в коммуне мало кто знал. Деревенские без крайней нужды за околицу не совались. Раньше-то в каждой производственной бригаде была своя начальная школа в одну комнату, где один учитель занимался со всеми ребятишками разом. Лишь два года назад их объединили в Центральную начальную школу с полноценными классами с первого по пятый.

Гоудань приподнял кусок лоснящегося сала и пахнущую свежестью печень. Мальчишки с благоговением любовались добычей, после чего Гоудань протянул сверток другу:

— Спрячь в свое сокровище, от греха подальше.

Он шлепнул себя по задку — старые, заношенные до дыр штаны безвольно висели на нем мешком. Задрав подол перешитой из отцовского тряпья засаленной безрукавки, Гоудань вытер пот со лба. Довольные, сверкая зубами, ребята двинулись в сторону дома. Про школу и дежурство они благополучно забыли.

— Братец Гоудань, а ведь говорят, что в городе все богатые. Но тот дядька в очереди жаловался, что у них даже капусту с мясом не достать. Врут, небось?

— Да кто их разберет, — хмыкнул Гоудань. — Нам вон тоже мясо нелегко дается.

— И то правда, — согласился Ван Сюань.

Они-то шкварки видели раз в году, а городские, почитай, всю деревенскую скотину подчистую скупают.

— Мне Дачжуан рассказывал, будто Даню с братом из школы выгнать грозились за то, что они за учебу не заплатили, — негромко проговорил Ван Сюань. — Директор их отцу записку передал, чтобы тот долг вернул. Так дядька дома такой разнос устроил, избил жену от злости и стыда. Даню сегодня из-за этого и на уроки не пришел.

А-Сюань тяжело вздохнул. Хоть учителя порой бывали несправедливы, учиться ему все равно нравилось.

— У нас теперь деньги есть, нам бояться нечего, — уверенно заявил Гоудань.

— Ага, — кивнул Ван Сюань, и на душе у него сразу стало спокойнее.

Гоудань шел, закинув руки за голову и лениво поглядывая по сторонам. Вдруг его взгляд зацепился за прохожего. Лицо этого человека показалось ему знакомым — точно такое же он видел вчера.

— Опа, Гоудань! Ты чего тут отираешься? — окликнул его Чэнь Чжэнго. Заметив, как малец запнулся и попытался прошмыгнуть мимо, делая вид, что они не знакомы, командир полка решил немного подразнить сорванца.

Ван Сюань, который до этого шел, послушно бубня про себя названия лекарственных трав, вздрогнул и поднял глаза. Узнав вчерашнего дядю-военного, он вежливо поклонился:

— Здравствуйте, товарищ военный.

Чэнь Чжэнго тепло улыбнулся мальчику:

— И тебе не хворать, малец. А вы чего тут разгуливаете? Вы же вроде в школе должны быть? — Он вскинул руку и посмотрел на часы. — Не рановато для конца уроков?

Ван Сюань тут же залился краской и виновато опустил голову, не зная, куда деться от стыда.

— Да отпустили нас уже! — без тени смущения соврал Гоудань. Он лихо подскочил ближе к Чэнь Чжэнго, отчего его дырявая безрукавка сиротливо заболталась на худых плечах. С этим своим залихватским видом он походил на малолетнего разбойника. — Дяденька, а вы тут чего делаете? Неужто шпионов ловите?

— Не суй нос в дела взрослых, — усмехнулся Чэнь Чжэнго. Махнув рукой своим подчиненным, чтобы те продолжали работу, он достал сигарету, прикурил и сквозь сизый дым прищурился на Гоуданя: — Ну и сорванец. Уроки прогуливаешь, вид имеешь самый разухабистый... Был бы ты моим бойцом, я бы из тебя быстро всю дурь выбил.

— А я не твой боец, — огрызнулся Гоудань. — И вообще, если я и пойду на службу, то сразу генералом!

— Ого, какие мы грозные! — расхохотался Чэнь Чжэнго.

Он оглядел одежку пацана. Впрочем, удивляться тут было нечему — так тогда ходила половина страны: обноски да латка на латке. Безрукавка явно досталась Гоуданю с чужого плеча — пожелтевшая, вытянутая, истончившаяся до марли. Штанины закатаны выше колен, а

на ширинке красовалась грубая заплатка из домотканого холста. Швы были проложены настолько криво, что смотреть без улыбки было невозможно.

Рядом стоял Ван Сюань, уткнув нос в землю. Его курточка тоже пестрела разноцветными лоскутами старого сукна и сидела на нем как на вешалке. Под робко склоненной головой виднелась тонкая, бледная шейка, казавшаяся хрупкой, как соломинка.

Оба оборванца стояли босиком на пыльной дороге и во все глаза смотрели на внезапно притихшего офицера. Мальчишки не могли понять, о чем думает этот сильный взрослый человек.

Чэнь Чжэнго стряхнул наваждение и негромко спросил:

— Слушай, Гоудань, вы ведь из деревни Сикань? Как отца-то кличут?

— А тебе зачем? Жаловаться надумал? — Гоудань вызывающе вздернул подбородок. — И не надейся! Дома меня пальцем никто не тронет, я там сам себе хозяин!

На его лице сияло такое самодовольство, будто его безнаказанность была величайшим достижением.

Чэнь Чжэнго лишь шутливо пригрозил ему кулаком:

— Ладно, шуруйте отсюда. Раз уж прогуляли, так хоть домой идите, нечего по дорогам шататься.

Мальчишкам только того и надо было. Они припустили прочь с такой радостью, будто спаслись от верной гибели. Дома, как и ожидалось, никого из взрослых не оказалось. Гоудань привычно потрепал по лобастой голове подбежавшего Дагуай, который вовсю намыливал хвостом, а Ван Сюань присел на корточки перед лежащим в тени Сюогуай и ласково погладил пса.

— Скоро у нас будет мясо, Сюогуай, — зашептал А-Сюань псу на ухо. — Обязательно тебе выделим долю. Кстати, братец Гоудань, я тут вспомнил: свиная печень кровь хорошо разгоняет. Наш Сюогуай ранен, надо бы ему пару лишних кусочков уступить.

— Аж два куска? — послышался из сеней недовольный голос Гоуданя, собиравшего хворост для очага. Жаба его знатно придушила.

— Зато он быстрее поправится! — резонно возразил Ван Сюань. — А как на ноги встанет, мы его с собой в лес возьмем. Он нам и зайца выследит, и фазана пригонит. Всяко выгоднее выйдет!

Против такой железной логики Гоуданю возразить было нечего.

<http://bllate.org/book/19654/1996721>